

О любви

ПРЕКРАСНОЙ
И ВЕЧНОЙ

Ф И О Н А
М А К И Н Т О Ш



Л А В А Н Д О В О Е
П О Л Е Н А Д Е Ж Д Ы

Ранее роман выходил под названием
«Хранитель лаванды»



МОСКВА
2 0 1 5

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Fiona McIntosh
THE LAVENDER KEEPER

© Fiona McIntosh, 2010
The moral right of the author has been asserted

Ранее роман выходил под названием «Хранитель лаванды»

Перевод с английского *М. Виноградовой*

Художественное оформление *С. Власова*



Школа перевода
В. Баканова

Макинтош, Фиона.

М15 Лавандовое поле надежды / Фиона Макинтош ; [пер. с англ. М. М. Виноградовой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 512 с. — (О любви — прекрасной и вечной).

ISBN 978-5-699-82738-1

Ничто не может разрушить любовь. Даже войне, которая забирает жизни, сжигает дома, лишает надежды, это не под силу.

Вторая мировая в разгаре. Люк Равенсбург счастливо живет в Провансе, пока война не губит его семью. Знакомство с Лизеттой, юной красавицей, возвращает ему смысл жизни. Но не только Люк влюблен в девушку. Маркус Килиан, английский полковник, уже ведет борьбу за ее сердце.

Война близится к концу, и Лизетте нужно решить: остаться с Килианом или уйти к Люку, чтобы вместе вернуться в Прованс, где их ждут спасительные лавандовые поля и воспоминания о счастливой и мирной жизни.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Виноградова М., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82738-1

Посвящается семье Кроке: Марселю, Франсуа, Лорану, Северину и особенно Луи — шестнадцатилетнему партизану, с которым однажды летним вечером в Провансе мы разделили трапезу и стали друзьями



Часть 1



1

12 июля 1942

Люк любил смотреть, как предзакатные солнечные лучи озаряют лаванду. Живые изгороди, что часовыми высились вокруг полей, темнели, становились мерцающе-изумрудными, а затем почти черными. Усыпанные галькой дорожки меж цветущих рядов размывались в тених. Побег лаванды — прямые и высокие — всегда завораживали Люка. А как притягивает взгляд яркая головка алого мака!.. Неудивительно, что художники летом так и стекаются в эти края... точнее, стекались — до того, как мир окончательно обезумел и взорвался грохотом бомб и треском ружей.

Молодая женщина рядом с Люком застегнула верхнюю пуговку поношенной блузки. Выбившиеся из прически рыжие пряди рассыпались по лицу, скрывая серо-зеленые глаза и гримаску раздражения.

— Что ты так притих? — спросила Катрина.

Люк вышел из задумчивости и виновато заморгал, понимая, что на миг забыл о своей спутнице.

— Прости, невольно залюбовался, — негромко ответил он.

Катрина обиженно посмотрела на него, поправляя одежду.



— Я бы предпочла, чтобы ты так говорил обо мне, а не о своих лавандовых полях!

Люк улыбнулся, чем лишь сильнее рассердил ее. Катрина только и думала что о замужестве и детях — как все деревенские девушки. Она была хорошенькой и уступчивой — пожалуй даже чересчур уступчивой, подумал Люк с легким уколом раскаяния. В его жизни хватало и иных женщин, но Катрина принимала его особенно страстно — потому что хотела большего. И вполне заслуживала большего — во всяком случае лучшего. Она знала, что Люк встречается с другими, однако же, в отличие от остальных, проявляла поразительную способность держать ревность в узде.

Он смахнул крошечные лиловые цветочки с волос подруги и наклонился поцеловать ее в шею.

— Ты пахнешь лавандой.

— Удивительно, что меня еще пчелы не жалят!.. Не удобнее было бы в кровати?

Она подводила к вопросу, которого Люк избегал. Пора идти. Он поднялся легким текучим движением и протянул руку Катрине.

— Я ведь тебе говорил, пчелам ты не нужна. Не веришь, у Лорана спроси. Им подавай пыльцу. — Молодой человек широким жестом обвел лавандовые поля. — Настала пора их ежегодного пира, они должны обслуживать царицу, растить детей и заготавливать мед.

Катрина даже головы не подняла, торопливо застегивая поясик на тоненькой талии.

— И вообще, Люк, это не твоя лаванда, а твоего отца, — раздраженно заметила она.

Люк внутренне вздохнул, гадая, не пора ли открыть ей правду. Все равно скоро все узнают.

— Собственно говоря, Катрина, отец отдал поля мне.

— Что? — Она вскинула голову. Прелестное личико нахмурилось.

Люк пожал плечами. Он даже не был еще уверен, что знают сестры — да и есть ли им до того дело, — однако от враждебного тона Катрины в нем разгорелась досада.

— В последний свой приезд он передал все поля мне.

Не следовало, конечно, злорадствовать при виде того, как вспышка гнева в ее глазах тускнеет, сменяясь растерянностью.

— Все-все? — недоверчиво переспросила Катрина. Люк изобразил беспомощную улыбку.

— Так он решил.

— Выходит, ты теперь самый крупный землевладелец во всем Любероне.

Это прозвучало как обвинение.

— Пожалуй, да, — небрежно согласился Люк. — Лаванду надо беречь, особенно сейчас. — Он зашагал прочь, давая понять Катрине, что пора домой. — Все равно отец проводит гораздо больше времени в Париже, где у него остальные предприятия, чем здесь... да и потом, я вырос в Сеньоне. А он нет. Этот край у меня в крови. И я всегда любил лаванду.

Катрина пожирала Люка жадным взглядом. Теперь у нее появились новые причины, чтобы оставить его при себе. Но чем активнее она требовала, тем упорнее он сопротивлялся. Не то чтобы ему не нравилась Катрина — нередко забавная, всегда изящная и чувственная. Однако некоторые черты ее характера Люка настораживали — особенно цинизм и полное неумение сопереживать другим людям. Он помнил, как еще в детстве она всегда смеялась над мальчиком-зайкой, и именно она — Люк был совершенно уверен! — первой распу-



стила слухи о бедняжке Хелен из соседней деревни. А с какой отстраненностью Катрина воспринимала беды французского народа в немецкой оккупации!.. До сих пор лично ее жизнь новый режим никак не затрагивал, а до остального ей дела не было. Раздражала Люка и ее ограниченность — она совершенно не умела мечтать, а разговор заводила лишь на практические темы: о женьтибе, стабильности, деньгах. Другой такой эгоистки еще поискать.

— У меня пока все мысли только об одном — как бы повысить урожайность полей. Ни о чем другом думать не могу. Да и вообще сейчас не время строить далеко идущие планы, — продолжил Люк дипломатично. — Не хмурься.

Повернувшись к девушке, он нежно потрепал ее по щеке.

Катрина злобно оттолкнула его руку.

— Может, Сеньон у тебя и в душе, но уж никак не в крови!

Если ей не удавалось добиться желаемого, она неизменно норовила в ответ побольнее ударить. Последний злобный выпад был жесток, но не нов. Почти вся деревня знала, что хотя Люк — сирота, чужак, он все равно что родился в семье Боне. Ему исполнилось несколько недель, когда они взяли его и дали ему свое имя, а их розоватый каменный дом стал и его домом.

Внешне Люк отличался от остальных членов семьи светлыми волосами, а от большинства жителей района Арт в целом — высоким ростом и широкими плечами. О своем происхождении Люк знал лишь то, что пожилой профессор языкознания где-то нашел его и привез в Сеньон, а Голда Боне, недавно потерявшая новорожденного младенца, нежно прижала крохотное тельце ребенка к груди и приняла в лоно семьи.



Никто понятия не имел, откуда Люк взялся, а уж его самого это вообще не волновало. Он любил отца Якоба, мать Голду и бабушку Иду, равно как и троицу темноволосых сестричек. Сара, Ракель и Гитель были миниатюрными и хорошенькими, как их мать, хотя Ракель — красивее всех. Люк — с решительным подбородком, выпуклым лбом, симметричным угловатым лицом и пронзительным взглядом синих глаз — возвышался над ними златовласым гигантом.

— Катрина, ну что ты злишься? — спросил он, пытаясь отразить атаку.

— Люк, ты обещал, что мы обручимся еще...

— Ничего подобного я не обещал!

Чтобы сдержаться, Катрине пришлось призвать на помощь всю свою выдержку. Люк даже восхитился.

— Ты ведь говорил, что мы поженимся!

— Нет, это ты предложила пожениться, а я сказал «может, когда-нибудь». Разве это обязательство? Не цепляйся к словам.

В глазах Катрины вспыхнул гнев, но девушка снова сумела совладать с эмоциями.

— Давай не ссориться, милый, — проворковала она и, потянувшись застегнуть пуговицу на рубашке Люка, нежно коснулась его кожи.

И все же он не любил Катрину... и тем более не хотел обзаводиться женой сейчас, когда миром правил хаос. Если не Катрина, то Софи или Аурелия из соседней деревни, а не то кроткая Маргарита из Апта — найдется, с кем покувыркаться в сене... или лаванде.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Катрина.

Не мог же он признаться, что его смешит ее расчетливость.

— Ты так мило раскраснелась. Ты прелестнее всего после...



Девушка зажала ему рот рукой.

— Пожалуйста, сделай меня честной женщиной! — взмолилась она, расправляя помятую юбку. — Можно вообще без помолвки, просто поженимся. Вот увидишь, нам понравится заниматься любовью в постели, как «месье и мадам»...

— Катрина, довольно! Я не намерен пока ни на ком жениться. Хочешь, вообще перестанем встречаться, раз ты так нервничаешь!

Ее глаза сощурились, губы сжались в безмолвной ярости.

— Идет война, — с горечью напомнил ей Люк. — Франция оккупирована немцами!

Катрина посмотрела по сторонам.

— Ну и где ж они? — делано удивилась она.

Люк в очередной раз огорчился ее легкомыслию. Да, до сих пор немецкие солдаты почти не беспокоили их, но в отцовских письмах из Парижа день ото дня все отчетливее сквозила паника. На севере — на оккупированных территориях — люди терпели нужду и унижения, а основной удар пришелся на столицу.

— Многие беженцы с севера уже вернулись в покинутые было дома. Да и парижане все повозвращались. Сам знаешь! Они вовсе не боятся. — Катрина беззаботно пожала плечами. — Нас это не касается. Так о чем переживать?

— Они вернулись, — начал Люк, потихоньку отчаяваясь, — просто от безнадежности. Их дома, друзья, хозяйства — все в зоне оккупации. Сперва люди бежали на юг, спасаясь от гибели, а потом решили научиться жить при бошах. — При упоминании немцев он сплюнул. — У северян нет выбора, но это еще не значит, что мы должны поддерживать Германию.

— Смотри, чтобы жандарм Лондри тебя на таких речах не застукал.

— Я Пьера Лондри не боюсь!

Катрина вскинула на него потрясенный взгляд.

— Люк, осторожней! Он опасен.

— Это тебе бы поостеречься, а не потакать всем его желаниям. Я же знаю, что ваша семья раз в месяц за-
дабривает его курицей.

Катрина нервно огляделась.

— Будешь много болтать, угодишь в неприятности. Я вовсе не хочу, чтобы меня расстреляли за речи про-
тив маршала.

— Маршал Петен был героем Первой мировой, но в вожди нации не годится. Режим Виши — просто посмешище, а теперь вот нас возглавляет нацистская марионетка. Лаваль пляшет под дудку Гитлера, он уничтожил всю нашу великую демократию и насаждает то-
талитарный...

Катрина зажала уши руками — похоже, и в самом деле перепугалась не на шутку. Люк умолк. В конце концов, она простая деревенская девушка и искренне считает, что народу лучше покорно выполнять волю правительства. В каком-то отношении, возможно, она и права — но лишь для тех, кому не претит подчиниться банде корыстолюбцев и расистов, покусившихся на су-
веренные права Франции. Коллаборационисты! Пособники врага! От одного этого слова Люка скручивало от ненависти. Он и не подозревал, что питает столь сильные чувства, пока отец в красках не описал ему, как мучительно видеть Париж — Париж! — наводненный немецкими солдатами. Подобно множеству других молодых французов, Люк был глубоко разочарован тем, что его любимая столица распахнула свои двери и ползает перед гитлеровскими мародерами на брюхе, точно



раболепный пес. Чтобы Франция, проявившая столько героизма во время Первой мировой, так позорно капитулировала... Немыслимо!

Изначальное недоброжелательство Люка сменилось настоящей ненавистью к немцам, и всякий раз, как немецкие солдаты подбирались к его дому, он устраивал какую-нибудь диверсию.

Именно ему пришла в голову идея перекрыть родник, питавший знаменитый фонтан в деревне еще с римских времен. К тому времени, как немцы, запыленные и измотанные трудным переходом, поднялись по крутому склону в Сеньон, никакого фонтана там и в помине не было. Жители деревни, посмеиваясь, смотрели, как изнуренные жаждой солдаты пьют застоялую воду из чаши в основании фонтана, а потом и из колод для ослов и лошадей. В другой раз Люк с Лораном остановили отряд немецких мотоциклистов, повалив дерево поперек дороги. Крошечная победа — но Люк с восторгом наблюдал, как солдаты, почесав в затылках, поджали хвосты.

— Когда-нибудь я убью в твою честь немца, Катрина, — пообещал Люк, не в силах окончательно затупить полыхавшее в груди пламя.

— Не говори так, ты меня пугаешь!

Люк пробежал рукой по волосам, со стыдом осознав, что вел себя недостойно. Катрина совершенно не разбирается в политике. В конце-то концов, если правительство продолжит сидеть тише воды ниже травы, поставляя провиант немецким войскам, возможно, этой сельской части Прованса удастся выйти из войны практически невредимой.

— Прости, я не хотел тебя расстраивать, — начал Люк, на сей раз куда более мягко. — Может, нам...

Закончить фразу он не успел — перебил знакомый голос. Запыхавшийся от бега Лоран остановился в



нескольких шагах от него, сгибаясь пополам и стараясь отдышаться.

— Так и знал, где тебя искать, — пропыхтел он, застенчиво поглядывая на Катрину: его всегда восхищали успехи Люка у местных красоток.

— В чем дело? — спросил Люк.

— Твои родители.

— Что с ними? — Люк застыл. Его давно преследовали кошмары о том, что всю его семью перебьют — родителей, бабушку и сестер, — что таким образом немцы расквитаются с ним за его ненависть к режиму.

— Они дома! — взволнованно сообщил Лоран. — И послали меня за тобой.

— Дома? — не поверил Люк. — Тут, в Сеньоне?

Лоран посмотрел на него, как на идиота.

— Где же еще? В деревне — со всеми обнимаются и целуются. Только тебя нет.

Люк наскоро, почти небрежно поцеловал Катрину.

— Скоро увидимся, хорошо?

— Когда? — поинтересовалась она.

— В субботу.

— Суббота уже завтра! — отрезала Катрина.

— Тогда в понедельник. Обещаю.

Он потянулся к девушке, но та сердито оттолкнула его руку и кинула злой взгляд на Лорана. Тот торопливо отошел в сторону.

— Люк, скажи мне кое-что... ты меня любишь?

— Любовь? В такие смутные времена?

В голосе Катрины звучало отчаяние.

— Люк, я была очень, очень терпелива, но если ты меня любишь, то женишься на мне — теперь или потом. Я должна верить в будущее. Ты любишь меня?

Она уже почти рычала, а не говорила.

Последовала долгая выразительная пауза.